

Иисус в смиреннейшем человечестве...
(Jhesus in eyner allerdemutichster menscheit)¹

1 - 5 января 1441
Аугсбург

1. Иисус в смиреннейшем человечестве был истинным Богом; таковы же были и слова, и учение Его. Поэтому в простых словах «Отче наш» свёрнуто высочайшее учение и мудрость. Как божество было скрыто в человечестве Христа, так в простых словах учения Христова, полностью ни для кого на этой земле не пронцаемого, скрыта вся, какую только возможно [для нас] постичь, мудрость, чтобы в этой мудрости Божией была доступна для каждого человека в сем чувственном мире сокрытая под словами и чувственно воспринимаемыми знаками нетленная пища, так же как уже открыто и без каких бы то ни было знаков или опосредований немощной чувственности ожидает христианин вечной пищи в горней умной жизни.

Отсюда следует и то, что среди людей кто-то по благодати Божией может понимать слова «Отче наш» яснее и глубже, чем другой, словно его глаза яснее другого способны разглядеть солнце². Впрочем, сладость этой молитвы по-своему вполне может распробовать и каждый простец, тем не менее, преимущество, полученное кем-то от Бога, должно послужить на пользу каждому. Поэтому люди и учат друг друга, и друг у друга стараются поучиться.

2. Итак, вот моё теперешнее понимание «Отче наш», которое, надеюсь, в дальнейшем будет день от дня во мне возрастать и проясняться, чего я также желаю от Бога и вам.

Следует знать, что прошение следует за желанием, а желающее произволение следует за надеждой, ведь на что человек не надеется, того он и не желает. Надежда же в свою очередь следует за верой и пониманием: никто не надеется на то, во что не верит, или чего не знает. Следовательно, наиглавнейшее прошение должны сопровождать и наиглавнейшее желание, надежда и вера. Вот что ты должен поставить себе целью найти в молитве «Отче наш».

3. [Здесь так: Разум наш [по природе] нацелен на знание истины; поэтому то, во что тебе [надлежит] верить, ты находишь в истине, [т.е.] в Боге и творениях. Но, найдя истинной ту

¹ Один из списков проповеди имеет пометку: «Его же (*m.e. НК*) проповедь о молитве Господней, сказанная в Аугсбурге, где им же по просьбе господина епископа переведена на народный тевтонский язык». Скорее всего, однако, мы имеем здесь дело не собственно церковной проповедью, а с более развёрнутым толкованием того, что было сказано об «Отче наш» в XXIII, 18-27. Так или иначе, в корпусе проповедей НК это единственный текст, написанный им самим на немецком языке, вернее на его франко-мозельском диалекте (другая немецкая проповедь LXXVI, тоже об «Отче наш», записана слушателем). Текст приобрёл популярность и переводился современниками на латынь; сохранился перевод, сделанный в середине XV века немецким картузианцем Маркеллом Гайстом. Уже в наше время новым выверенным латинским переводом издатели проводили критическое издание *Opera omnia*. Кроме того, в XX веке текст по меньшей мере трижды переводился на немецкий: в 1940 (с обширными комментариями), 1952 и 1982 (новая ред. 1999) гг. Последнее издание использовано также в английском переводе Хопкинса. Мой русский перевод сделан, в свою очередь на основе этих переводов (в силу очевидных трудностей с франко-мозельским). Подробную библиографию см. в разделе «От переводчика».

² ср. Платон, «Государство» VII 556 a-b

веру, которую ты просвещён о возможности для человеческого существа достичь своего совершенства, ты тогда на достижение его начинаешь ещё и надеяться. Найдя же таковое совершенство благом, начинаешь его желать и о нём просить (соответственно тому, как уже его понял, и уже надеешься его достичь). |

Итак, в «Отче наш» наш нацеленный на истину разум находит просвещение, позволяющее в твёрдой вере узнать, что́ (was) есть истина.

Во-первых, о начале и источнике всех вещей; [во-вторых] о проистечении всех вещей от Бога; затем [в-третьих] о средстве (mittel) возвращения всех вещей к Нему; и [в-четвёртых] о конечной цели.

4. Об источнике, или божественной природе, говорят слова «*Отче наш, Иже еси в небесах, да святится имя Твое, да придет Царствие Твое*»; о проистечении – «*Да будет воля Твоя, как на небе, и на земле*»; о могучем средстве – «*Хлеб наш ежедневный (deglichs)³ дай нам сегодня, и прости (vergib) нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим. И не введи нас во искушение*»; о конечной цели – «*Но избавь нас от зла. Аминь*».

5. Источник открыт нам [во-первых] в словах «*Отче наш*» с точки зрения веры; [во-вторых] в словах «*Да святится имя Твое*» - с точки зрения надежды на понимание; [в-третьих] в словах «*Да придет Царствие Твое*» - с точки зрения желания блага.

Истечение творений открывается нам в своём порядке словами «*Да будет воля Твоя, как на небе, и на земле*».

Средство: для жизненного пути нашего требуются [во-первых] подающая силы пища; [во-вторых] облегчение препятствий; [в-третьих] указание пути; [в-четвёртых] защита. Без этих четырёх пунктов никакое благополучное путешествие невозможно. Первый пункт заключён в словах «*Хлеб наш ежедневный дай нам сегодня*»; второй – «*Прости нам долги наши*»; третий – «*Как и мы прощаем должникам нашим*»; четвёртый – «*И не введи нас во искушение*».

Конечная цель всякого путешествия ко благу заключена в словах «*Но избавь нас от зла. Аминь*».

6. Природа, благодать, слава и вообще всё, что желает знать человек – всё это (насколько возможно для нас знание на этой земле в том порядке, как это открылось пониманию магистров теологии⁴) можно найти в этой священнейшей молитве, в которой нет ничего лишнего и ничего недостающего, ничто ни слишком легко, ни слишком трудно, ни слишком длинно, ни слишком коротко, ничто не без причины и всё в правильной последовательности, где первое должно быть первым, а последнее – последним. В самом деле, артикул «*Отче наш, Иже еси в небесах*» не допускает перед собой никакого другого; [второй] артикул «*Да святится имя Твое*» исходит из первого, а третий – из двух предыдущих. [Следующий] артикул «*Да будет воля твоя*» исходит из [всех] тех, что ему предшествуют; и так вплоть до конца, каждый на своём месте.

³ о «хлебе насущном» НК здесь говорит по Лк. 11, 3, как о «panis cotidianus»; см. прим. к XXIII, 23

⁴ «die meister von den hochsten synnen» - имеются в виду т.н. «magistri Sententiarum», высшая магистерская степень, фактически магистр теологии

Священнейшую молитву я очень коротко толкую так:

7. «Отче наш»

«Отец» есть природный, первый и верховный источник, единственное начало всех нас. На это указывает слово «наш»: [отец] кого-то одного не есть «наш»; «наш» означает множество. Но источник множества один, что доказывает нам число. Десять или двадцать больше единицы, они суть множества. Но то, что десятка есть десятка, а двадцатка – двадцатка, это у них – от одного, ибо десятка – не что иное, как десять раз взятая единица, так что не будь единицы, не было бы и десятки. Тем самым бытие десятки [как множества] – от единицы; в ней ничего от себя, но всё, что в ней есть, есть от единицы; и кроме единицы нет в ней ничего. Поэтому и мы все, сколько нас ни есть, есть от одного, а не от себя самих. И те, кто мы есть, мы есть в Отце, без Которого быть не можем.

Итак, в словах «Отче наш» дано то, как все творения суть от одного Отца и в одном [Отце].

Далее следует:

8. «Иже еси»

Здесь замечаем: Из того, что Отец «есть», следеует, что Он есть бытие (wesen) всех вещей, ибо все они суть от Него и в Нём. Тем самым Бог есть всё, что есть, в чём бы то ни было из того, что есть.

Далее следует:

9. «В небесах»

Под «небесами» я понимаю горние творения. И эти простые слова учат меня тому, что Бог Отец есть во всех вещах потому, что Он *есть в небесах*. Горние творения – это природы интеллектуальные (verstenteliche), которые в свою мощь включают и [природы] более низкие, подобно тому как изменчивая живая природа дерева включает в себя более низкие вещественные стихии, а чувственная жизнь зверя включает в себя также и изменчивую [растительную] жизнь (поэтому животное, как и дерево, растёт и прибавляет в размере). Разумная, или рассудочная, (vernunftige)⁵ природа включает в себя также и чувственную - таков человек, а интеллектуальная небесная природа включает в себя разумную (redeliche) - таковы ангелы. Соответственно, и Бог Отец, в Котором суть все вещи, *есть в небесах*, и тем самым Он есть во всех вещах. Причём один Бог Отец во многих *небесах*. Небесных природ суть множество, и единственный Бог Отец *есть в них* нераздельный и неслиянный.

10. Ты замечаешь, что область чувственности далеко отстоит от знания Бога, потому что Он *есть в небесах* горней интеллигенции⁶, и различим там только для глаз интеллектуальной природы (которыми обладаем в наших душах также и мы), ибо, будучи наивысшей духовной природой, нашими чувственными телесными глазами видим быть не может.

⁵ «verstentenis» и «vernunft» очевидно соответствуют здесь и ниже «intellectus» («intelligentia») и «ratio»

⁶ см. прим. к «О начале» 16

Итак отметь: Бог Отец, будучи бытием всех вещей, есть в каждой из них (причём так, что сразу и во всех, и ни в какой из них отдельно). Но уловимым и опознаваемым образом Он есть только «в небесах» природы интеллектуальной.

11. «Да святится имя Твоё»

Имя есть знание⁷. Благодаря именам у нас есть различающее знание. И чем удачнее имя обозначает именуемое, тем оно правильнее и истиннее. Поэтому истинное имя есть прямое подобие именуемого, оно – как бы проистекшее из мощи интеллекта мысленное слово, которое есть подобие интеллекта. Тем самым имя Бога Отца есть наивысшее Слово, равное интеллектуальной природе Отца. И так как это имя во всём максимально равно Отцу, так как это имя – наивысшее (т.е. не может быть ещё более истинным, правильным и равным), то тем самым оно не может быть меньше Отца. Иначе, если бы было меньшим, то могло бы тогда стать и больше, чем есть; и тем самым это имя уже не было бы наивысшим и истиннейшим. Но, оно равно Отцу, и потому ровно так же, как и Отец, Оно есть Бог.

Однако Бог Отец есть, как сказано выше, единственный источник всех вещей. Следовательно, равное Отцу Имя должно быть Тем же Самым единственным Богом, что и Отец, хотя Имя и не есть Отец, но есть Имя Отца, Которое, поскольку Оно от Отца, мы можем как наивысшую степень равенства [или подобия]⁸ Отцу именовать «Сыном», наподобие рождения сына от отца в чувственном мире. Но как ни один сын на этой земле не похож на отца настолько, чтобы нельзя было быть ещё более похожим, так и вообще ни одна вещь никогда не может стать подобна другой настолько, чтобы нельзя было быть ещё подобнее, ибо наивысшее и истиннейшее подобие – это единственный Сын, или Имя, Отца. На нашей же земле всякое подобие смешано с неподобием, поэтому ни в каком подобии, всегда содержащим в себе ещё больше неподобия, Имени Бога Отца на этой земле не найти.

12. Бога нельзя узнать иначе, как в Его имени, и мы поэтому надеемся на возможность для себя достичь поверх нашего понимания знания Его, ибо о Своём имени, чтобы нам *святить Его*, просвещает нас [Сам] Бог Отец: всякий раз, когда мы *святим Его Имя*, происходит это в том данном нам от Отца свете, что даёт нам увидеть Его *имя выше всякого имени*⁹. Увидев там это имя, мы тогда *святим его* превыше всего, что есть святого, истинного и праведного, ибо видим, что это имя есть имя истинное и имя правильное, высшее равенство, *зеркало премудрости*¹⁰, в коем только и возможно увидеть и узнать Бога Отца; и что ни у чего из *именуемого на небе и на земле*¹¹ нет никакого другого истинного, без ущербности и неравенства, имени, кроме как в этом имени; и что кроме как в этом имени, невозможно истинно узнать ни одну вещь¹².

13. Итак, Христос учит нас просить, чтобы *святилось от нас это имя*, в коем заключено неисследимое и неисчерпаемое учение о том, как прийти к знанию Бога: своими силами мы прийти к нему не можем, но только благодатью Божией, освящающей нас, чтобы мы могли *святить* превыше всякого знания дающее знать Бога имя. И когда наш ум станет

⁷ «nomen est notitia» - см. XXIII, 18-20; прим. к СХХVI, 13

⁸ «gelichnis» означает и «равенство», и «подобие», «похожесть», причём оба значения во всём §11 подразумеваются. Эта неоднозначность ясно видна уже в латинском переводе М.Гайста (современника НК), у которого в этом месте «gelichnis» - то «aequalitas», то «similitudo».

⁹ Флп. 2, 9

¹⁰ Прем. 7, 26

¹¹ ср. Еф. 3, 15

¹² ср. XXIII, 20

святить одно только имя Бога, не находя, и даже не ища ни в какой другой вещи наслаждения и покоя, тогда получит человек то, чего просит у Бога в этих словах: «*Да святится Имя Твоё*».

14. «*Да приидет Царствие Твое*»

Город – это единение; царство – единение в царе; Царство Божие – единение в Боге. Божественное Царство есть божественное и наивысшее единение, больше которого быть не может. Единение Отца и во всём равного Отцу Сына есть наивысшее единение. От «одного» и «равного ему» единение происходит так же, как от [«одного» и] «неравного» - разделение. Следовательно, от «одного» и «во всём равного ему» происходит единение наивысшее.

Наивысшее единение, больше которого быть не может, по необходимости есть Бог. В самом деле, всё, что в действительности есть то, чем может быть, есть Бог. Что не есть Бог, то силою Бога может быть иначе, чем оно есть; и один только Бог есть всё, чем может быть. Следовательно, наивысшее единение есть Бог, Которого мы именуем Духом Святым, Который *исходит* от «одного» и «равного ему», т.е. *от Отца и Сына*. Тем самым видишь, что Царство Отца есть наивысшее единение, Дух Святой.

15. И вот человек, поднявшийся к знанию Бога и Его Имени и увидевший, что только Бог есть вождеднейшее высшее благо, обнаруживает, что Бог есть Царство всякой радости и любовь всякой влюблённости, что только в этом святом Царстве вечный мир и единение, а вне этого Царства всякая любовь мимолётна и смешана со скорбью, всякий мир шаток и смешан с раздором, всякая дружба и всякое единение хрупки. И поэтому с великим желанием должны мы молиться, чтобы *пришло* к нам это *Царство*, где, ни в чём не зная нужды, будем вечно блаженны.

16. Мы просим, чтобы *Царство пришло*. Это, надо думать, означает, что мы должны верить: хотя мы существа тварные, живущие на этой земле в великой ущербности, и такими тварными должны оставаться, бессмертное Царство, тем не менее, может прийти и к нам. Тем самым мы, наученные Христом, узнаём о своей способности стать *чадами Божиими*; узнаём, что и к нам тоже в вечное наследие может прийти Царство Божие; что и нам тоже присуще бессмертие, к которому Царство Божие может прийти.

Мы научаемся также, что высшей нашей надеждой должно быть будущее обладание Царством вечной радости. Из того, что об этом Царстве нам приходится молить, заключаем, что Бог может дать нам это Царство по благодати, но никакого права требовать его себе у нас нет. Ибо со своей стороны мы – *чада гнева*¹³, раздора и греха, то есть разделения («Sünde» [«грех»] называется так от «sundern», «разделения»). Поэтому не от самих себя, а от одной только благодати рождены мы для Царства мира и единения. И из того, что Христос учит нас просить об этом Царстве, мы понимаем, что Бог хочет, чтобы Его об этом просили, и стало быть, не захочет отказать нам в Своей благодати.

Тебя учат говорить: «*Да приидет к нам Царствие Твоё*», - и ты понимаешь отсюда, что Царство Божие наступит после преходящего нашего времени. Царство века сего, которое существует сейчас и в котором находимся мы, неспособно к Царству Божию, и тебе в веке

¹³ Еф. 2, 3

сем нужно иметь терпение и с великим желанием ожидать Царства Божия после века сего; а в твоём царстве, где ты состоишь сейчас, понуждать себя к любви и единению с Богом настолько, чтобы Царство Бога смогло прийти к тебе.

17. Ещё из этого нашего прошения, чтобы Царство Его *пришло к нам*, ты понимаешь, что тебе не прийти к Царству Божию иначе, как только если само Царство Божие придёт к тебе, подобно тому, как наше тело приходит к жизни не иначе, как только если жизнь души сама придёт к нему.

Вот тебе первая часть святой молитвы «Отче наш» в изложении предельно кратком; но из сказанного мною ты прекрасно видишь, что учение Христа неисследимо и неисчерпаемо.

18. Теперь из этих трёх растолкованных мною тебе артикулов отметь, как именно должно тебе обратиться от века сего к Богу. Сперва ты находишь на этой земле множественность вещей: звёзды, животные, деревья и т.д. Затем видишь внутри этого множества неравенство (звезда не равна животному, а животное не равно дереву), так что ни одна вещь не равна другой. Затем видишь также и что все вещи между собою различны и разделены: *звёзды там наверху, земля здесь внизу*¹⁴, рыбы в воде, птицы в воздухе, и каждое от остальных отдельно.

Три названные вещи: многое, неравное, различное, - очевидны на этой земле любому человеку. От многого происходит неравное, а от обоих происходит различие. Следовательно, если хочешь прийти к Богу, посмотри на источник многого, то есть на одно. Многое объединено в одном как в своём источнике, поэтому обратись от многого к одному! И тогда сможешь сказать: «*Отче наш, Иже еси в небесах*».

Затем посмотри туда, где неравное есть равное, то есть на Сына Божия. И так, поворачиваясь от неравного и несправедливого к равному и праведному, обратись к Сыну Божию и помолись: «*Да святится Имя Твое*».

Затем взгляни туда, где в единство приведено всякое разделение и различие, то есть на истинный мир, на Духа Святого. То есть, повернись от раскола, производимого грехами (гневом или ненавистью - они разлучают тебя с Богом и ближним), к согласию *любви и мира*¹⁵ и помолись: «*Да приидет Царствие Твое!*»

Эти пути для тебя в следовании учению и необходимы, и достаточны.

19. «*Да будет воля Твоя, как на небе, и на земле*»

Эти слова учат нас тому, что [во-первых] все вещи проистекают от Бога по воле Божией, и [во-вторых] причиной своего существования все вещи имеют не что иное, как Божию волю. Что небо есть небо, земля – земля, а человек – человек, для всего этого нет другой причины, кроме того, что так изволил Бог¹⁶. И в соединённом с *волей* слове «*да будет!*» (*fiat*), проистекают от Отца в своё бытие все вещи.

¹⁴ ср. Притч. 25, 3

¹⁵ ср. 2 Кор. 13, 11

¹⁶ ср. XXXVIII, 3; «Берилл» 24, 38; 30, 51; также: Пётр Ломбардский, «Сентенции» I, 45, сар. 4

Это значит не что иное, как что все вещи суть всё, что они суть, от триединого Бога: от Отца в Его Слове (т.е. Сыне) с Его волей (т.е. с Духом Святым).

Поэтому знай, что этими тремя словами - «*Да будет воля Твоя*» («*Fiat voluntas Tua*») - обозначено происхождение всех вещей: [во-первых] от Бога Отца - словом «*Твоя*»; [во-вторых] от Бога Сына - словом «*да будет*»; [в-третьих] от Бога Духа Святого – словом «*воля*». И подобно тому, как Пресвятая Троица обозначена тремя этими знаменующими троичность словами, так имеется образ Бога и Пресвятой Троицы и в каждой существующей вещи, в силу какового образа эта вещь собственно и существует, ибо любая вещь есть нечто только потому и только постольку, поскольку она есть образ Бога.

Посмотри же, о человек, на эти малые слова «*Да соделается (gewerde) Твоя воля*»¹⁷, позволяющие тебе понять в Пресвятой Троице происхождение всех вещей! Скажем, захотев узнать, как человек соделалась (is worden) человеком, здесь ты научишься заключать: нет другой причины кроме того, что соделалась (geworden is) воля Бога Отца; то же и обо всех других вещах.

Далее идёт:

20. «как на небе, и на земле»

Из этих слов узнаёшь порядок всех вещей, ибо здесь по порядку поименовано всё сотворённое Богом: «*небо*», «*земля*», да ещё и «*и*» впридачу вместе с ними. Здесь отметь горную небесную природу, которая духовна; дольную земную природу, которая телесна; и среднюю, соединённую из обеих, которая вместе и небесная, и земная, то есть природу человеческую, выше себя имеющую небесную ангельскую природу, а ниже себя природу земную, т.е. все природы вещественных стихий.

Здесь отмечаешь, что ни у одной из тех природ, что ниже человека, нет сообщения с небесной духовной природой, и Бога, *сущего в небесах*, они не знают и не замечают, сами будучи ведь из земли, которая есть их общая мать: из неё возникают другие стихии, а из стихий возникают камни, растительные и чувствующие природы. Каждая из них по матери земная, и потому каждая подчинена небесной.

21. Небесная же [природа], будучи духовной, более богоподобна и, следовательно, благороднее [земной]. В интеллектуальной природе мы обнаруживаем духовное бытие (wesen), интеллект и волю. Бытие тяготеет к вечности и бессмертию, интеллект – к истине, воля – к благу. Отсюда видишь, что небесная духовная природа есть сияние Бога и Пресвятой Троицы: [во-первых] сияние Бога Отца, вечного в Своем бессмертии; [во-вторых] сияние Бога Сына - в интеллекте, [вернее] в истине, которая [в свою очередь] сияет в интеллекте, сообщая ему обращённый к истине *блеск мудрости*¹⁸; [в-третьих] сияние Духа Святого в воле, которая, просвещённая Святым Духом, не желает ничего, кроме того, что благо. Воля не желает ничего, кроме блага, потому что благо происходит от Святого Духа, и желание блага

¹⁷ труднопередаваемая по-русски тонкость: «да будет!» (fiat) молитвы, – те же слова, какими сотворён мир: «*Fiat lux – Et facta est lux*» (Быт. 1, 3), при том, что «*factum*» может значить и «стало» (от *fi*o), и «сделано», «создано» (от *fac*io); ср. «*omnia per Ipsum facta sunt*». См.: Августин, «О книге Бытия буквально» I, 4; Пётр Ломбардский, «Сентенции» II, 13 cap. 5 (4)

¹⁸ «in der waarheit, die erschynet in dem vestentenis, durch welke das verstantenis hait den glans der wijsheit zu der waarheit» - ср. Прем. 7, 26; т.е. «блеск мудрости» - это отблеск света истины в интеллекте; ср. у НК: II, 27

[в воле] – следствие происхождения [блага от] Святого Духа, подобно тому как и в интеллекте тяготение исключительно к истине – следствие происхождения [истины от] Сына Божия.

22. И наконец, человеческая природа, соединённая из природы небесной и земной, в [движущем] своей душой духе¹⁹ находит небесное тяготение к бессмертию, к истине, к благу, к тому, что выше её, к Богу; а в земной [своей] чувственной природе ощущает тяготение, к тому, что ниже её, к преходящему, неистинному, кажущемуся благу; так что [два] эти закона друг на друга непохожи и противоположны.

23. Поэтому Христос и учит нас молиться, чтобы воля Божия была «на земле, как на небе», чтобы чувственная плотская природа, обратив себя к интеллектуальной, пребывала в послушном единении с ней. Это нужно для того, чтобы весь целый человек смог в мире [с собою] *жить* тогда превыше себя, «на небесах»²⁰ своего интеллекта, где обитает Бог.

Из того же обстоятельства, что об этом нам приходится просить, понятна вся немощь нашей природы самой по себе. Противостоять плоти и чувственности мы без благодати Божией неспособны так же, как неспособна без благодати Божией наша земная природа принять приобщающие её божественной вечности законы небесные. Но благодать Свою Бог дарит с готовностью и охотно, стоит только нам благоговейно попросить: «*Да будет воля Твоя, как на небе, и на земле*».

Такие и многие другие великие учения открываются нам в этих словах Иисуса Христа.

24. «Хлеб наш ежедневный дай нам сегодня»

Выше мы просили, чтобы наша земная природа пришла в послушание духовной небесной природе. Однако по ущербности природы совершиться такому невозможно, если у нас не будет пищи, способной питать нас каждый день без перерыва. Поэтому Христос и наставляет нас просить у Бога той живительной пищи, насытившись которой мы получили бы силы защититься от смерти и тления. Поскольку же в нас соединены две природы, одна небесная, а другая земная, то мы просим хлеба, необходимого для каждой из природ, т.е. [во-первых] хлеба небесного, в котором *превыше всей существенности*²¹ всего тварного заключена небесная бессмертная жизнь, и о котором пишет евангелист Матфей, и [во-вторых] хлеба на всякую нужду, который может быть дан нам и «сегодня», т.е. в этой чувственной жизни.

25. Выше мы уже поняли, что бессмертная пища интеллектуальной духовной природы – это Истина и Слово Божие, т.е. Божий Сын, Он же Премудрость. Поэтому мы просим, чтобы Слово сделалось пищей для нашей человеческой природы. Однако пища должна прийти в соединение с тем, кто ею питается, иначе это не пища. Поэтому мы просим дать нам Истину и Слово Божие в соединении с нашей природой. Ибо [с одной стороны] Он [Слово Божие] и есть тот хлеб, что способен наделить нас бессмертной жизнью; а [с другой стороны] «хлеб наш» - это хлеб для именно нашей природы. И вот мы просим Бога дать нам «хлеб наш»,

¹⁹ «in dem geist syner selen» - имеется ввиду различие духа (spiritus) и души (anima); см. 1 Сол. 5, 23; Евр. 4, 12

²⁰ Флп. 3, 20

²¹ «bouen alle selbstendicheit» - ср. «panis substantialis» из Мф. 6, 11-; см. прим. к XXIII, 23

т.е. Иисуса Христа; подать как *пищу жизни* в самое сердце нашей жизни. И *хлеб наш* [действительно] даётся нам в *пищу жизни* - тогда, когда как такую пищу принимаем Иисуса в нашем сердце с целостной верою. Ибо тогда наша жизнь в собственной нашей человеческой природе соединяется со Христом, бессмертно соединившем в Себе нашу природу с божественной жизнью. Так совершается в нас питание *хлебом нашим*, который даёт нам Бог.

26. Смотри теперь: слова «*наш ежедневный хлеб*» сперва открывают тебе, что такой *наш хлеб* существует; потом – что он необходим нам для жизни; [далее] что мы должны иметь надежду получить его в пищу; [далее] что совершиться это не может иначе, как благодатью Божией; [далее] что Бог желает наших исполненных благоговения и любви прошений к Нему об этом хлебе и в ответ на прошения желает дать нам его. На всё сказанное указывают нам слова этой молитвы. Отсюда сам заключи, без чего невозможно человеку *иметь жизнь*²². Для этого необходимо ему иметь Христа, Который есть *хлеб небесный*. Христос, однако, не преподаётся никому иначе, как через веру в то, что Он есть *хлеб жизни*²³, и ещё через надежду и любовь, и ещё как дар благодати Божией.

Теперь отметь: будучи *пищей жизни*, Христос тем самым восполняет в нас любой недостаток так же, как пища восполняет нужду. Христос поэтому – пища всякой пищи, со всею полнотою устраняющая любой недостаток. В чём бы ни испытывали мы нехватку, относись то к бытию, к правде, мудрости или истине, к миру, любви или благодати, - всё находим мы в этом хлебе.

[Затем: [когда] желание наше обращено на этот хлеб, то вера с надеждой и любовью возрастают в нас; это и означает, что Бог подаёт нам сей хлеб *ежедневно*; и это есть главнейший, священнейший сакрамент, коего как главнейший и высочайший дар Божий надлежит нам с великой любовью и благоговением в этой молитве испрашивать и получать.]

27. Теперь тебе полностью ясно, что прийти к вечному и бессмертному владению, или обладанию, высшим благом иначе, как во Христе Иисусе, в Котором восполнены все наши недостатки, человек неспособен, но что в Нём все мы делаемся совершенны, в Нём воскресаем от смерти и соединяемся с жизнью. Ибо Он – *хлеб живой*²⁴, сущий превыше всякой субстанциальности или самосущности²⁵ всех творений, в Коем все творения суть каждое в своей наивысшей полноте. Он же – Первенец и Глава всего творения Божия; и в Нём упоковаются все дела Божии. Он – начало, откуда проистекает всё творение; Он – середина [и средство] возвращения; и Он же – конец всего совершенства. Человеческая природа, соединяющая в себе обе природы, небесную и земную, соединена и со Христом, Сыном Божиим; поэтому Христос и есть конец всего совершенства. Он – *Единый Всевышний*²⁶ надо всеми небесными и надо всеми земными природами.

²² ср. Ин. 10, 10

²³ Ин. 6, 35

²⁴ Ин. 6, 41

²⁵ «das uber aller substancie ader selbstendicheit ... is» - ср. «panis supersubstantialis» из Мф. 6, 11 (см. прим. к XXIII, 23)

²⁶ имеется в виду «solus Altissimus», слова из латинской версии Великого славословия

28. Отсюда понимаешь, что как *Единый Всевышний* Он – не такая пища, что наподобие пищи телесной превращается в нашу природу²⁷. Он – пища жизни, которая сама присоединяет нас к себе и сама своей жизнью животворит и нас, подобно тому как твоя душа есть природная пища жизни для твоего тела и всех его членов. Дело ведь обстоит не так, что душа превращается в тело и берёт себе телесную природу; напротив, душа присоединяет твоё тело и все твои члены к себе, так что благодаря такому единению тело живо – жизнью души. Здесь отметь, что все достигающие вечной жизни творения суть как бы члены единого Тела Христова, оживляемые жизнью Христа, так что живёт в них не что другое, как Христос. Иными словами, разумные творения объединены в одно Тело, которое само объединено жизнью Христа.

29. Теперь смотри внимательно: Если хочешь, чтобы Христос жил в тебе, ты должен быть с Ним в единении. Это как если бы твой палец захотел, чтобы твоя душа жила в нём, то пальцу твоему потребовалось бы соединиться с телом, а через тело – с душой. Потому что если посредством отсечения от тела отделишь палец от души, то тем самым отделишь его и от жизни. Отсюда видишь, что тебе, если хочешь жить, нужно быть соединённым со Христом²⁸. Однако единение со Христом не может состояться никак иначе, кроме как в соединении с Телом Христовым, которое есть священное собрание христианской Церкви.

И потому ты просишь: «*Наш ежедневный хлеб дай нам сегодня*». Сказав «*наш*», исповедуешь себя соединённым с собранием; сказав «*хлеб*», исповедуешь живую пищу многих, соединённых в Нём. Сказав «*дай нам сегодня*», исповедуешь, что эта пища не даётся одному человеку в отдельности, но множеству в собрании.

Итак из учения Христова усвой: ни вера, ни таинство, ни добродетели никак не смогут помочь тебе прийти к жизни, если не будешь в единении Тела верных Христовых.

30. Ещё ты должен вспомнить данное тебе наставление каждый день *непрестанно молиться*²⁹. Как члены тела твоего, чтобы им продолжать быть живыми, нуждаются в постоянном влиянии твоей души, так и душа твоя постоянно нуждается в небесном хлебе. Это тебе вполне ясно из слова «*ежедневный*» и из слова «*сегодня*». Ибо если [с одной стороны] хлеб этот необходим нам *ежедневно*, а [с другой] мы просим, чтобы этот хлеб, в котором ежедневно нуждаемся, был дан нам *сегодня*, то тем самым мы признаём также: поскольку он необходим нам *ежедневно*, то просить его мы должны каждый день.

[Или же в другом смысле:] Всё время этой чувственной жизни [или «*сегодня*»] мы - странники, что [всегда должны быть] готовы отправиться в путь к жизни небесной, и нуждаемся в пище, без которой в таком странствии нам не выжить. Поэтому Христос и учит нас просить этот хлеб [ежедневно]³⁰.

31. Теперь обрати внимание: Христос есть *хлеб наш* ради нашего путешествия к Нему, и подаётся нам в Своем бытии, в Своей премудрости и в Своей благодати тем способом, каким возможно нам воспринять Его в сем изменчивом веке.

²⁷ см. III, 8; «Наука незнания» III, 12, 258-259

²⁸ ср. XXII, 43-44

²⁹ 1 Сол. 5, 17

³⁰ ко всему §31 – ср. Иоанн Кассиан Римлянин, «Собеседования» IX, 21

В сем чувственном мире плотские наши глаза Христа [видеть неспособны] (ибо Он бессмертен и после Воскресения для смертных глаз сделался невидим в силу подвижнейшей и неуловимой духовной ясности [Своего тела]³¹, благодаря каковой его природе Христос и есть духовная пища нашей души). Поэтому и устроилось так, что Христос в сем путешествии подаётся нам под видом хлеба: мы не можем увидеть Его чувственными глазами, но только глазами веры. Христос поистине присутствует под видом хлеба в этом вот сакраменте; следовательно всё, что, видя, осязая, вкушая или обоняя, воспринимают здесь чувства, есть не истинное Тело Христово, а лишь истинные знаки, или сакраменты, Тела³², там присутствующего и видимого лишь посредством умной веры. Это – наивысший дар Божий, данный, чтобы нас, странников, питать, пока не доберёмся из этого мира чувственности к небесам интеллекта и понимания, где не прикровенно под сакраментами, не через веру, но поистине увидим Христа, как Он есть³³.

32. Этого хлеба мы просим и принимать его должны с целостной верой, с величайшей надеждой и с самой большой любовью. Принимать истинного Христа под сакраментами мы должны с верой в то, что под каждым видом хлеба в каждом из сакраментов Он присутствует весь целиком и поистине, подобно тому как наша душа невидимо, но вся целиком и поистине присутствует во всех и каждом из наших телесных членах; или как одно и то же лицо – во множестве глядящих на него глаз; или одно и то же слово – во множестве слышащих его ушей; или одно и то же искусство – во множестве овладевших им мастеров; или одна и та же истина – во множестве познавших её умов. И как по мере нашего взросления и вырастания душа наше не растёт, а растёт только тело, так и Христос не делается больше оттого, что присутствует под видом более или менее крупного хлеба или под большим или меньшим количеством сакраментов³⁴.

Ещё должны мы надеяться, что придём от веры к истине; а также должны принимать Христа с такой великой любовью, чтобы эта любовь соединяла нас с Ним как с нашим благом и спасением.

В Своей премудрости Христос подаётся нам через Его учение. В учении мастера дано то самое искусство, что делает его мастером; поэтому в учении Христа находим Его Самого. Это подтверждает нам и содержащее в себе Самого Христа учение о святой молитве «Отче наш», ибо учение Христа полно всей премудрости, полно всей добродетели и, как и Сам Мастер, уже не может быть улучшено.

33. Теперь в этих словах «Хлеб наш ежедневный дай нам сегодня» обрати внимание ещё вот на что: Поскольку мы странники, Иисус учит нас не отягощать себя заботами, ибо Бог желает оделять нас тем, в чём для этой жизни нуждаемся, день за днём вплоть до нашего отсюда исхода. Поэтому мы не должны усердствовать в алчном многостыжании так, словно мы на этой земле не странники, а жители, или словно Бог не знает, в чём нуждаемся, или неспособен вовремя подать.

Научаемся ещё и тому, чтобы не просить у Бога хлеба сверх необходимого *ежедневно*, ведь иначе Он нас не услышит. То же, что приходит к нам сверх нашей необходимости, приходит от Бога к нам не ради нас, но ради нужды бедных и убогих, чтобы через тебя быть

³¹ о свойствах воскресшего тела – см. XII, 25

³² сакрамент как священный знак – см. прим. к III, 13

³³ 1 Ин. 3, 1

³⁴ ср. III, 25

им роздано, и чтобы ты знал: если просишь у Бога *хлеба нашего ежедневного*, то тогда подаваемый Богом хлеб не исключительно твой, а «*наш*», т.е. [принадлежит также и] тем, кто нуждается в нём после тебя. Если же избыточный хлеб, оставшийся у тебя сверх необходимости, ты не делишь с нуждающимися, то это признак того, что таковые хлеба собирал ты в неправедности и алчности; что владеешь ими неправедно; что ты недостойн Бога, одевающего тебя, как и каждого, необходимыми дарами; и что в этом ты вопреки Его воле, словно *неверный раб*³⁵, окрадываешь бедняков, Божиих чад, в их части.

34. В этом и в других учениях Христа, в святой молитве «Отче наш» и в святых Евангелиях Бог подаёт нам Христа, Который есть *путь, истина и жизнь*³⁶.

Пищу для нашего странствования Бог подаёт нам также и в житии Христа. Этим житием мы в нашем странствии питаемся, в нём находим всё для странствия необходимое. Если странствие истощено гордыней, то найдём пропитание в смиренном Христовом странничестве. Стоит только решиться попросить и принять – и вот наша скудость восполнена, и истощающая гордыня отброшена. Если рассматривать свою жизнь в зеркале Христова жития, то сразу видно, чего нам не достаёт и что ещё нужно сделать. Решившись отправиться в путь ко Христу в жизнь вечную, мы должны стараться совершать своё странствие по этой земле так же, как странствовал Христос. Ради своего же спасения не должны мы пренебрегать путём, которым сообразно Своему человечеству, в коем Он равен нам, *нашего ради спасения* прошёл Богочеловек Христос.

35. Если же выдержать весь путь целиком тебе не по силам, то необходимо, следуя по нему, по крайней мере приложить усердие такое, чтобы суметь добраться до цели, где Христос. Оставляя же путь или поворачивая вспять, ты уже не на пути жизни, а на пути смерти и ко Христу не придёшь.

Отметь здесь, что в своём странствии ты питаешься делами странствия Христова! Если же пищи не просишь и не получаешь, то останешься без *хлеба живого*. Вот что можешь усвоить из вышесказанного.

36. «*И прости нам долги наши*»

Христос учит нас молить Бога, чтобы *простил долги наши*. Отсюда выводим, что мы все по природе нашей отягощены *долгами*. Поскольку по учению Христа молиться так должен каждый человек, то следовательно каждый человек признаёт себя должником. Причём вина именно что *наша*, ибо присуща нашей природе и потому общая для всех. Бог же не есть начало или причина нашей вины, ведь она *наша*. Поэтому мы и просим *прощения*.

Отсюда отметь: заслуженную нами вину перед Ним Бог отпускает только, когда мы его благоговейно просим. Здесь тебе наука: ты должен верить, что Бог может оправдать грешника и простить любую его вину, большую или малую, без какого бы то ни было исключения.

Ещё отметь здесь, что могущество Божие есть Его милость, что из неправедника Он по Своей благодатной милости делает праведника так же, как во всемогуществе Своём по изволению делает из ничего нечто, из мертвеца - живого, из одной природы – другую, из

³⁵ ср. Мф. 25, 21 слл.

³⁶ Ин. 14, 6

воды – вино. Ибо воля Его есть Его могущество, и *что изволит, то сделать может*³⁷, и то должно быть сделано.

Отметь также, что ни один человек не должен в милости Божией отчаиваться, но должен со всею неотступностью хранить надежду, что [вину] Бог ему простит, - по той причине, что Христос учит тебя о прощении вины молиться. Если бы Бог не мог тебе простить, то тогда и Христос не учил бы, что ты должен на прощение надеяться и о нём молить.

37. Ещё ты должен отметить, что прошение это начинается со слова «и», ведь сказано именно так: «*И прости нам*». «И» связывает это прошение с предыдущим: «*Хлеб наш ежедневный дай нам сегодня "и" прости нам долги наши*», - потому что без этого хлеба прощение нашей вины невозможно, и [только] в единении небесного хлеба можем мы посредством веры просить о прощении вины. Ибо сама природа наша подпала вине и греху, и очищена она в одном лишь Христе. Тем самым и благодать очищения грехов не может прийти в нашу природу иначе, как через Христа, Который вдобавок и всю нашу недостачу - при условии нашего единения с Ним в Его Теле - восполняет и погашает, так что мы даже можем тогда получить квитанцию (die quitancie)³⁸ нашего искупления. Если Христос со Своею заслугой, приносящей удовлетворение за всех нас в нашей природе, находится в единстве с нами, то тогда мы вправе быть услышаны Богом; иначе же – нет, в силу неспособности нашей природы к принятию [прощения].

38. Отметь ещё, что ты просишь: «*Прости нам долги наши*». Но кто отделился от другого и намерен просить только за себя, но не за других, тот не может сказать: «*прости нам*», - и потому не получает ничего. И здесь нам поучение: прощение грехов совершается в согласии священного собрания христианской Церкви; и вне этой Церкви вера во Христа бессильна помочь кому бы то ни было избавиться от своих долгов.

39. «*Как делаем мы должникам нашим*»

В святой молитве «*Отче наш*», где одним учением схвачено всё для нас необходимое, о том, что мы должны делать, не говорится нигде, кроме одного этого артикула, в котором сказано: «*Как делаем мы должникам нашим*». Следовательно, все законы Христовы, по которым мы должны действовать, свёрнуты именно здесь: [мы должны] *прощать*. Христос учит, что Бог простит нам только при условии, что *мы прощаем*.

Здесь отметь: закон Христов состоит в том, чтобы делать другим то, чего хочешь, чтобы тебе делали. На это и указывают слова: «*Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим*». Если же, прося Бога, чтобы простил тебе, сам не прощаешь, то, выходит, отказываешь [в прощении] себе же.

Должник твой – это творение Божие, как и ты. Бог хочет, чтобы ты освободил его, также как и ты считаешь благом такое же деяние Бога для тебя. Однако сам для должника своего ты сделать такого не желаешь. Как возможно тебе тогда быть достойным получить от Бога благо отпущения, когда сам ты не благ, чтобы сделать то же самое?

³⁷ ср. Пс. 113, 3

³⁸ «quitantia» (от позднесреднев. «quietare») – оплата долговых обязательств или письмо, подтверждающее такую оплату

40. Отметь, сколь разумен и ясен этот закон, который должен быть приемлем и понятен каждому. Кто просит Бога о прощении, а сам не прощает, и при этом верует, что Бог его услышал, тот верует, что Бог – это не Бог, что неправда есть правда, а зло – добро. А кто верует, что Бог, по учению Христову, *прощает, как и мы прощаем*, того вера в Бога правильная – вера, что Он есть Бог праведный и наилучший. Такой человек может собственными делами прощения измерить свою надежду на прощение от Бога, и затем с любовью о нём молить.

Заметь отсюда, о человек, что здесь тебе открывается единственный способ узнать, будешь ли ты услышан Богом и чадо ли ты Божие. Способ такой: из своих дел увидишь ты и поймёшь, делаешь ли другим то, чего сам желаешь себе, т.е. прощаешь ли искренне своим должникам, ничего, кроме любви, им не выказывая? Если так, то без сомнения можешь быть полностью уверен, что получил от Бога прощение всех твоих грехов, и что ты – чадо вечной жизни. Тогда никакого другого закона исполнять тебе больше не нужно, ибо в явленной делами прощения вины любви к ближнему твоему заключена полнота всех законов³⁹.

41. «Не введи нас во искушение»

Здесь научаемся: Даже если некогда мы исполнили закон и получили прощение грехов, это всё равно не даёт нам обеспечения, что впредь устоим и, будучи введены во искушение - а искушение начинается, стоит только нам освободиться от греха - снова не подпадём вине. И мы должны верить, что Богу возможно оградить нас, чтобы стояли и не падали; должны надеяться, что этого достигнем; и должны настойчиво вымаливать у Бога: «*Не введи нас во искушение*», - как если бы говорили: «Господи, никакой обман под личиной блага не сможет соблазнить меня своим искушением, если Ты Сам этого не сделаешь, вернее если не попустишь, ибо всё совершается либо Твоим попусшением, либо изволением. Поэтому прошу: покрова десницы Твоей пред злыми искушениями не отними от меня! Тогда невозможно мне будет упасть. Иначе, отнимая покров Твой, *водишь меня во искушение*; так солнце своим заходом «подаёт» нам ночь, в которой мы ничего не видим».

42. Ещё отметь, что мы снова впадаем в грех потому, что бываем введены во искушение кажущимся благом, предлагаемое нам либо через чувства видимым миром сим, либо через разум лукавым духом, который пытается соблазном увести наш ум от истины. И если не станем умолять Бога о покрове и защите, то начинаем шаг за шагом поддаваться соблазну, пока не дойдём до искушения [кажущимся благом] и не примем его за благо [истинное]. И вот, от Бога, высшего блага, мы ниспали до блага кажущегося и поддельного. Против этого нет другого пути, кроме как, согласно учению Христову, в любом искушении молить Бога словами этой святой молитвы, чтобы не поддаться нам соблазну.

43. «Но избавь нас от зла»

В этих последних словах Христово учение для нас такое: быть в этом мире без злого искушения нам невозможно; где мы, там и зло; поэтому просим мы об *избавлении*. Отсюда узнаём, что существует и другое Царство, где нет зла, но одно только истинное, высшее, беспримесное благо. Наше *избавление от зла* есть избавление от этого чувственного, злобного, лживого мира, тогда как мы желаем славы вечного блага: только там возможно

³⁹ ср. Рим. 13, 8

для нас избавление от всякого зла, ибо вне пределов высшей славы нет места для блага истинного, нетленного и присносущего.

О таком избавлении просим мы, в него веруем и его исповедуем: пусть сейчас мы принадлежим жизни чувственного мира, другого исхода из которого, кроме смерти, для нас быть не может, но после чувственной смерти пребывание в присносущем вечном благе для нас возможно; достичь туда мы надеемся; и о достижении этом с великой любовью молимся, и его желаем, пусть даже без чувственной смерти это и невозможно.

Тем самым в этом прошении наша чувственность возносится до духовности нашего интеллекта, а *воля Божия*, «как на небе» нашего интеллекта, пребывает также «и на земле» чувственности. Весь человек целиком, обратившись выше себя к Богу, желает отделиться и *избавиться* от этой временной злой жизни, чтобы возможно стало пребывать в вечности с Богом, Который есть благо (поэтому и «Богом» зовётся от «блага», «Gott von dem guden»⁴⁰).

44. Отметим здесь: кто, не имея желания с готовностью умереть чувственной смертью ради перехода к Богу, просит при этом *избавления от зла*, тот ничего не получает, потому что просит вопреки своему сердцу. Кто любит сей злой мир больше, чем Бога, тот, оставаясь разлучён и с Богом, и с благом, пребывает навеки во зле, и никогда ему оттуда не найти избавления. Тем самым прошение это есть прошение человека, имеющего любовь к Богу прямую, незапятнанную и беспримесную. Ибо только тот, кто ставит Бога прежде и своей временной жизни, и всего, что сотворено и что не есть Бог, только такой человек [действительно] просит избавления от сей немощной и преходящей жизни ради возможности быть со своим возлюбленнейшим благом. Без этого блага он не хочет жить, ибо понимает, что жив только в единении с Богом, куда влечёт его любовь, и где он только благодаря любви [собственно] и есть, пусть даже всё ещё оставаясь в плену сего чувственного мира в храмине своей плоти. Честно просит избавления тот, кому из-за его любви к Богу эта жизнь отвратительна настолько, что он кажется себе заключённым в жалкой, тёмной и грязной тюрьме, только выйдя откуда, сможет наконец пойти к нескончаемой, благой и высшей радости, к тому возлюбленнейшему, коего только и желает.

45. Вот такой человек пребывает в любви Божией, и достиг он туда по учению этой святой молитвы «Отче наш», в которой *избавление от зла*, то есть дарование вечной жизни, для него выше всех прочих артикулов, так как особенным образом приближает его к Богу: вечная жизнь есть не что иное, как то величайшее, чего только можем мы пожелать, а пожелать мы ничего, кроме блага, которое есть Сам Бог, не можем. Такой человек говорит: «О Господи, через небесный хлеб Ты простил мне мою вину, не введи же меня во искушение, не позволяй мне долго оставаться в этом лживом мире, где без Твоего покрова не могу я ни остаться неискушённым, ни устоять несоблазнённым, но избавь меня, Господи, от всякого зла, ибо удалено ото зла наследие Твоё, к коему призвал меня Ты в Сыне Твоём Иисусе!»

46. Отметим здесь: Если захочешь узнать, что такое вечная радость, которую по величию её никакой человек постичь неспособен, то обнаружишь, что мы не сможем понять вечную радость лучше, короче и яснее, чем то, чему Христос учит нас здесь: радость эта есть *избавление от зла*. Хочешь ещё узнать, что такое ад? Христос учит тебя, что ад есть вечное пленение во зле. Избавление от зла есть наивысшая радость, а неизбавление и пленение есть

⁴⁰ см. I, 5

величайшая скорбь и кара. Наивысшая небесная радость – в том благе, которое есть Бог, быть вечно отделённым от зла. Величайшая, или наинижайшая, адская кара – быть отделённым от того блага, которое есть Бог.

Царство, где нет ничего, кроме блага, или Бога, называется Царствием Небесным, то есть Верховным Царством. То же царство, где нет ничего, кроме зла и боли, называется адом, или преисподней, ибо преисподняя – это то, что «под» или «снизу»⁴¹. Ад - в разделении, раздоре, вражде, незнании и тьме; поэтому князья ада именуются *князьями тьмы*, или *диаволами*⁴². Царствие же Небесное есть согласие, мир, любовь, мудрость, всякое благо и ясность. Поэтому его Князь именуется Избавителем от всякого зла; Его мы и просим избавить нас от ада и от всякого зла. Аминь.

Замечания⁴³

47. Там, где сказано «*Да святится имя Твоё*», отметь:

Иоанн в Апокалипсисе говорит: «*имя Его* (т.е. [имя] Христа) есть *Слово Божие*»⁴⁴. Но поскольку Слово Божие есть Бог («*Слово было Бог*»⁴⁵), то тогда выходит, что *Слово Божие* есть имя Бога.

На то, что «имя Божие» здесь – это Сын Божий, намекает, по-видимому, [евангельский] текст (Ин. 12). Сначала Христос говорит: «*Пришёл час прославиться Сыну Человеческому*», - а затем молится: «*Отче, прославь имя Твоё! Тогда пришёл с неба глас: и прославил и ещё прослаблю*»⁴⁶. В некоторых старинных книгах я видел, что вместо «имя» было написано: «*Сына*»⁴⁷, т.е. «*Отче, прославь Сына Твоего!*» Отсюда вполне ясно, что Сын Божий называем и «*Именем*», и «*Словом*» Божиим.

48. И если разобраться в тонкости, то *слово* и *имя* совпадают в неизреченном [имени]⁴⁸. Ибо то неизреченное имя, что зовётся Тетраграмматон, есть имя не в большей степени, чем слово, потому что оно есть свёрнутость всех, какие можно выразить, значащих звуков⁴⁹. Ведь без звучания голоса ни имени, ни слова образовать невозможно. Поэтому про того, кто ничего не отвечает, говорят: «не сказал ни слова»⁵⁰. А если кто-нибудь произнесёт: «Иисус», - то можно утверждать, что произнёс он не что иное, как слово, а именно: «Иисус». Так что вместо «имя» можно сказать «слово», а вместо «слово» - «имя», как и Иоанн в Апокалипсисе говорит, что *имя Его есть Слово*.

⁴¹ подразумевается прежде всего латинская этимология «infernum» от «inferius» (см. Григорий Великий, «Диалоги» IV, 42)

⁴² диавол как «divisor», «разделитель» - см. прим. к CXLIV, 8

⁴³ §§ 47-50 – дополнительные замечания к проповеди, написанные на латыни

⁴⁴ Откр. 19, 13; см. также XXIII, 36

⁴⁵ Ин. 1, 1

⁴⁶ Ин. 12, 23; 12, 28

⁴⁷ вариант, зафиксированный также и у Нестле-Алланда

⁴⁸ о «nomen» и «verbum» говорится ниже в т.ч. и как о частях речи (соотв. существительное и глагол). *Слово*, Которым «*всё начало быть*» (facta sunt), - это глагол: «*да будет!*» (fiat); см. выше §19; у НК также: XX, 7; XLVIII, 29

⁴⁹ ср. «О становлении» IV, 168

⁵⁰ букв. «non respondisse unum verbum». Это «unum verbum» повторяется и ниже в §49 («nomen est unum verbum... etc»); прибавление «unum» здесь, по-видимому, не несёт смысловой нагрузки и, вероятно, является проекцией немецкого артикля, т.е. «unum verbum» = «ein Wort»

Имя Бога, таким образом, не есть какая-либо часть речи, и следовательно не имя и не слово, но свёрнутость всех имён, слов, высказываний и определений. Оно есть абсолютный Разум, и тем самым свёрнутость высказываний, или речей, отчего и зовётся «Логос». Ведь «логос» - это речь, слово или разум⁵¹. Соответственно, Сын Божий, или Понятие ума Бога Отца, Речь речей, Изречение изречений, Слово слов и Разум разумов.

49. И обрати внимание: слово есть имя, и речь есть имя, и разум есть имя; и имя есть слово, и сходным образом речь есть слово, и разум тоже есть слово. Следовательно, раньше всякого слова, и всякого имени, и всякой речи есть «начало от начала»⁵², в коем свёрнутость всего, что разворачивается словом, именем, речью, высказыванием, рассуждением, определением и каким бы то ни было ещё способом.

Начало понимания (conceptionis), в чьём понятии свёрнуто всё, есть «начало без начала», само же понятие (conceptus) есть «начало от начала», поскольку оно - начало развёртывания всего, что в нём свёрнуто. Так ларец в уме ремесленника есть понятие мастера, свёртывающее в себе всё, что относится к ларцу, это то умное [т.е. невидимое] начало ларца, что развёртывается видимым образом.

50. Ещё: *«Да приидет Царствие Твое»*

Что Царство это есть в Духе, о том учит Павел, к Римлянам: *«Ибо Царствие Божие не пища и питье, но мир и праведность и радость во Святом Духе»*⁵³. Мир есть единение, как и любовь; наивысшее же единение и наибольшая связь есть Дух Святой. Тем самым тот мир, что превосходит всякий ум⁵⁴, есть Бог Дух Святой.

⁵¹ см. прим. к «О равенстве» 7

⁵² см. «О начале» 10-12

⁵³ Рим. 14, 17

⁵⁴ Флп. 4, 7